

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-30-37
УДК 378(045)

Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» vs «мягкой силы»*

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

В современном мире образование становится новой платформой для конкуренции между государствами, так как, помимо предоставления знаний, его функция заключается в формировании сознания и мировоззренческих установок молодого человека. Соответственно, государства стремятся через образовательные институты продвигать свои национальные модели развития, системы ценности и элементы культуры по всему миру. Конечная цель подобной политики — формирование пула убежденных сторонников, которые будут ретранслировать «полученные знания» у себя на родине. Однако только ли этой целью движимы государства? Разумеется, нет, — ряд государств ориентирован на привлечение иностранных студентов с целью включения наиболее талантливых и одаренных из них в национальный кадровый резерв. Опасность такого подхода кроется в формировании устойчивой зависимости от «внешних мозгов». Раскрыть страновые особенности подходов к работе со студентами-иностранцами, а также определить их ключевые стратегии — цель данного исследования.

Ключевые слова: иностранные студенты; «мягкая сила»; кадровый резерв; Россия; США; КНР; Турция

Для цитирования: Осинина Д.Д. Отечественный и зарубежный подходы к работе со студентами-иностранцами: «кадровый резерв» vs «мягкой силы». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):30-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-30-37

ORIGINAL PAPER

Domestic and Foreign Approaches to Working with Foreign Students: “Personnel Reserve” vs “Soft Power”**

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

The goal of this study is to reveal the country-specific features of approaches to working with international students, as well as to determine their key strategies. In the modern world, education is becoming a new platform for competition between states, because its function is not only to provide knowledge but also to form the consciousness and outlook of a young person. Accordingly, states seek through educational institutions to promote around the world their national development models, value systems and cultural elements. The ultimate goal of such a policy is the creation of a pool of staunch supporters around the world who after return to their homeland will relay the “gained knowledge” upon the society. However, are states only driven by this goal? Of course not — a lot of countries are focused on attracting foreign students to include the most talented and gifted of them in the national “personnel reserve”. The danger of the latter approach lies in the formation of constant dependence on “external brains”.

Keywords: international students; soft power; personnel reserve; Russia; USA; China; Turkey

For citation: Osinina D.D. Domestic and foreign approaches to working with foreign students: “Personnel reserve” vs “soft power”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):30-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-30-37

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2019 г.

** The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University in 2019.

ВВЕДЕНИЕ

Образование испокон веков рассматривалось не просто как социальный институт, отвечающий за приобретение индивидом знаний, но и как канал для передачи основных ценностей господствующей культуры. Об этом написано в работе «Воспитание и социология» французского социолога и философа Э. Дюркгейма: ретрансляция господствующей системы ценностей и мировоззренческих установок через образовательные институты нацелена на обеспечение социального контроля в обществе. Если же применить данный подход к анализу работы со студентами-иностранцами, то вырисовывается следующая картина: молодежь в процессе получения знаний за рубежом, находясь в инокультурной среде, также приобщается к господствующим в ней ценностям и идеям.

При этом данный подход вполне вписывается в современные реалии гибридных войн, когда борьба между государствами идет не столько в военно-силовом поле, сколько, скорее, в идейно-культурном пространстве, в продвижении национальных моделей развития по всему миру — будь то американская идея демократии или социализм с китайской спецификой. Популяризация политико-экономических моделей государств, их культурных особенностей происходит при помощи инструментов «мягкой силы», каналами которой являются образовательные институты. То есть «мягкая сила» вырастает из привлекательности культуры, политики того или иного государства. Но всегда ли только это движет государствами-реципиентами при привлечении иностранных студентов?

Условно дифференциация подходов к иностранным студентам может осуществляться по двум направлениям: рассматривает ли государство-реципиент иностранных студентов в качестве своего кадрового резерва, или же иностранные выпускники воспринимаются в качестве инструмента «мягкой силы», т.е. лояльно настроенной молодежи, способствующей продвижению имиджа государства-реципиента у себя на родине, выступающей за политико-экономическое сотрудничество с ним. Соответственно, учитывая приоритеты государства, формируются модели работы с иностранными студентами, для анализа которых нами было взято 4 кейса: Россия, Турция, Китай, США.

РОССИЯ

Анализируя отечественный подход к работе со студентами-иностранцами, нужно сразу отметить, что российские позиции на рынке образовательных услуг заметно выросли за последние годы. Так, в период с 2010 по 2017 г. численность иностранных студентов в российских вузах увеличилась в 1,5 раза — с 187,3 до 313,1 тыс. чел. В то же самое время увеличился и удельный вес студентов-иностранцев в российских вузах: если в 2010/2011 учебном году иностранные студенты составляли 2,65% от общего числа студентов, то в 2016/2017 учебном году их доля составила 7,11% [1].

Этому во многом способствовала обновленная государственная стратегия по отношению к студентам-иностранцам, т.е. российская сторона в последние годы подчеркивает свою заинтересованность в притоке иностранных студентов с помощью создания благоприятной среды и системы дальнейшей поддержки выпускников. В частности, были внесены изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В результате иностранные студенты могут работать по студенческой визе в пределах субъекта РФ, где они получают образование, в период каникул, а также на протяжении всего обучения в той образовательной организации, где они учатся (<https://ais-rus.com/news/19>). А перспективы трудоустройства и возможность параллельно учебе зарабатывать влияют на выбор иностранными студентами той или иной страны для получения образования. Более того, создается система дальнейшей работы с иностранными выпускниками, возвращающимися на родину, через землячества и ассоциации выпускников, например создана «Ассоциация иностранных студентов», руководит которой В. Четий (<https://ruskiymir.ru/publications/258245/>). Таким образом, если раньше работа с иностранными студентами велась точно, то теперь формируется целая система, которая рассчитана на долгосрочную перспективу и отвечает задачам государства.

Итак, российский подход к иностранным студентам условно можно подразделить на 4 стратегии:

Первая стратегия связана с достижением имиджевых целей государства и является продолжением советского подхода к работе с иностранными студентами. Основная цель

такого подхода — подготовка лояльно и дружелюбно настроенной молодежи, которая станет опорой РФ в продвижении ее интересов за рубежом: в политической сфере, в бизнесе, в культурных и образовательных проектах.

При этом если обратиться к советскому периоду, то можно отметить, что образование выступало в роли одного из ключевых инструментов в подготовке лояльной зарубежной элиты в тех государствах, где у СССР были свои интересы. И эта система была эффективной, так как, во-первых, образование было качественным и высоко ценилось, а, во-вторых, для многих оно становилось социальным лифтом, дающим «путевку в жизнь». Конечно, нужно признать, что в СССР зачастую обучались не обычные ребята, а дети из обеспеченных семей, чье будущее на родине было предопределено. Однако в российских вузах можно было обзавестись нужными связями и обратить на себя внимание, да и на родине наличие советского диплома повышало социальный статус молодого человека. Более того, советское образование до сих пор выступает мостиком во взаимоотношениях между РФ и представителями политических элит иностранных государств, которые тепло вспоминают студенческие годы и высоко ценят полученные знания. Так, в Советском Союзе получили образование президент Палестины Махмуд Аббас (окончил аспирантуру Университета Дружбы народов), президент Вьетнама Нгуен Фу Чонг (окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, сейчас РАНХиГС), президент Шри-Ланки Паллеуатте Гамаралаге Майтрипала Япа Сирисен (окончил Литературный институт им. Горького), глава Анголы Жуан Лоренсу (окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина) и т.д. [2].

На сегодняшний день в рамках данного подхода Россия работает на постсоветском пространстве, в Африке и Сирии, т.е. в тех государствах, где интересы РФ ориентированы на долгосрочную перспективу. Например, на прошедшем в октябре 2019 г. саммите «Россия — Африка» было заключено соглашение между РУДН и корпорацией «Росатом», согласно которому российский вуз будет готовить кадры для совместных проектов в Африке. Учитывая обозначенные интересы РФ в Африке, а также активизацию российских компаний на континенте (в числе которых «Роснефть», «Росатом» и «Рособоронэкспорт»), в ближайшей перспективе

следует ждать увеличения притока студентов из Африки в российские вузы для подготовки кадров под совместные проекты.

То же касается и Сирии, где российское руководство стремится закрепить свое влияние. В частности, студентам из Сирии выделена одна из самых больших квот на получение образования в РФ — 500 мест при общем количестве заявок около 2500 (<http://rs.gov.ru/ru/medias/30>). При этом можно констатировать, что интерес этот взаимный, ибо Россия, будучи единственной силой, выступающей в роли гаранта безопасности в Сирии, а также оказывающая поддержку режиму Б. Асада, содействует восстановлению страны. Поэтому сирийское руководство заинтересовано в приходе российских компаний, российских инвестиций и в подготовке соответствующих кадров для совместных проектов из числа местного населения. Например, российская компания «Стройтрансгаз» выделила инвестиции в сумме 115 млн долл. на строительство туристического комплекса «Тартус», взамен получив от сирийской стороны земельный участок и налоговые преференции [3]. Данный проект отразился на увеличении численности сирийских студентов, направившихся на обучение в Россию по таким специальностям, как «туризм», «архитектура» и «инженерное дело». Более того, сирийское правительство выделило 200 дополнительных мест на обучение в магистратуре и аспирантуре в России, а также направило дополнительные средства на стипендиальное обеспечение сирийцев, обучающихся в России, из расчета 900 долл./мес. на человека (<https://ria.ru/20180528/1521561435.html>).

В противовес двум вышеуказанным направлениям (Африка и Сирия), на постсоветском пространстве у российских образовательных институтов есть серьезные конкуренты в лице США, Великобритании, КНР и Турции, которые, продвигая свои образовательные проекты, выделяют солидные средства под стипендиальное обеспечение, а также находят поддержку со стороны руководства постсоветских государств. В этой связи преимуществом российского образования выступают некогда единое языковое пространство, а также политико-экономические связи в рамках СНГ и ЕАЭС, что позволяет иностранным выпускникам российских вузов по возвращении на родину устраиваться в представительства российских компаний.

Вторая стратегия ориентирована на постсоветское пространство и является продолжением первой, **ее ключевая цель — воспроизводство сложившихся культурных связей**. Соответственно, основные задачи данного направления связаны с сохранением роли и статуса русского языка на постсоветском пространстве, а также поддержанием дружеских контактов между иностранными выпускниками российских вузов.

Для достижения поставленной цели действует два ключевых актора — Россотрудничество и Ассоциация выпускников советских и российских вузов, филиалы которой находятся более чем в 70 странах мира. При этом, несмотря на то, что Россотрудничество открыло 12 представительств и 9 филиалов на постсоветском пространстве, Ассоциация выпускников имеет ряд преимуществ в рекрутинге иностранных студентов. Прежде всего потому, что, в отличие от Россотрудничества, Ассоциация опирается на выстроенные еще в советский период связи, т.е. взаимодействует с выпускниками советских вузов, вернувшимися на родину. Таким образом, Ассоциация выпускников советских и российских вузов может «зайти» в те государства, где деятельность Россотрудничества ограничена. Например, не так давно были открыты Ассоциации выпускников российских и советских вузов в Грузии и Литве (<https://ruskiymir.ru/publications/258245/>).

В целом задача ассоциаций заключается в поддержке тех выпускников-иностранцев, кто по приезду на родину хочет продолжить взаимодействие с РФ через землячества и культурные центры. Отбор таких студентов идет еще во время обучения в вузе, среди критериев — участие в крупных общественно значимых мероприятиях (например, в мероприятиях «Росмолодежи»), занятие руководящих постов в студенческих организациях и т.д.

В этой связи интересно также отметить, что инициатива поддержания дружеских контактов с выпускниками исходит не только от государства, но и от самих вузов, которые заинтересованы в сохранении корпоративного духа и «семейственности». К примеру, в мае 2019 г. МГИМО провел V Международный форум выпускников в Ташкенте, собрав, как тех, кто учился еще в советский период, так и тех, кто только закончил вуз (<http://www.alumniforum.mgimo.ru/>). Более того, именно в Ташкенте МГИМО открыл в этом году свой филиал, который будет

готовить специалистов по направлениям «бизнес-информатика» и «юриспруденция».

Ставка в рамках данной стратегии делается на «сарафанное радио» (или «маркетинг из уст в уста»), когда абитуриенты получают всю информацию от недавних выпускников, т.е. от тех, кто сам прошел путь адаптации к иной социокультурной среде и готов поделиться своим опытом.

И, наконец, **третья стратегия работы со студентами-иностранцами ориентирована на приграничные районы, где в этническом плане широко представлено русское население**. Особенно здесь можно выделить Северный Казахстан, где исторически численность русского населения составляла более 50%, и, несмотря на целенаправленную политику государства по «казахизации» региона (перенос столицы из Алма-Аты в Нур-Султан), казахстанским властям радикально изменить тенденцию не удалось. На 2018 г. русских в Северном Казахстане проживало 1 324 589 чел., а казахов — 1 880 090 чел.

В качестве примера можно привести сибирские вузы, которые со второй половины 2000-х гг. активно привлекали в свои ряды студентов из Северного Казахстана и проводили специализированные олимпиады для отбора талантливых школьников с последующим их зачислением без вступительных испытаний. Например, Новосибирский государственный технический университет (НГТУ) в течение нескольких лет проводит олимпиаду среди павлодарских школьников.

В целом подобная политика сибирских вузов стала отражением того демографического кризиса, который имел место в России с 1992 г., когда естественный прирост впервые после Великой Отечественной войны сменился убылью и коэффициент рождаемости составил 1,195. (<https://tass.ru/info/5503201>). Выровнять ситуацию с притоком абитуриентов удалось только к 2018 г., когда в вузы стали поступать те, кто родился после 2000 г. Тем не менее привлечение молодежи в российские регионы — тема актуальная и по сей день, особенно для малонаселенных регионов России, где плотность населения варьируется от 1,2 до 3 чел. на км² (по данным Росстата на 1 января 2018 г.: Красноярский край — 1,23, Республика Тыва — 1,89, Республика Алтай — 2,35, Иркутская область — 3,13, Томская область — 3,40) (<http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=26&fedokr=4>).

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что данная стратегия, с одной стороны, стала необходимостью (что можно увидеть на примере сибирских вузов), а с другой — элементом поддержания культурных и исторических связей с русскоязычным населением, проживающим в приграничных регионах. Более того, русские диаспоры являются своего рода инструментом «мягкой силы», чей голос ввиду их многочисленности приходится учитывать при проведении государственной политики, а их ориентация на Россию служит определенным рычагом влияния в межгосударственных отношениях.

Как видно из представленного выше материала, все три стратегии связаны с реализацией политики «мягкой силы». Именно данный подход является доминирующим при формировании российской модели работы со студентами-иностранцами. Однако за последние 5 лет ситуация начала меняться, и формируется **четвертая стратегия, в рамках которой иностранные студенты воспринимаются, в том числе, и как кадровый резерв российских компаний, работающих за рубежом.** В числе компаний, которые приступили к освоению данной стратегии «РусАл», «Росатом», «Лукойл», «Газпром». Соответственно, наиболее популярными специальностями выступают «инженерное дело», «нефтегазовое дело» и т.д.

В то же время далеко не все студенты, заинтересованные в российском образовании, могут позволить себе приехать в РФ, так как количество мест, предоставляемых по линии Россотрудничества, ограничено. Поэтому РФ использует и альтернативный подход, открывая филиалы российских вузов за рубежом. В частности, в Узбекистане в 2019 г. были открыты филиалы МГИМО, НИЯУ «МИФИ», Московского энергетического института и Российского химико-технологического университета им. Менделеева. Отрадно, что подобная деятельность российских вузов была активно поддержана на уровне президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, формирующего каналы для подготовки кадрового резерва политико-управленческой элиты республики.

ТУРЦИЯ

На восприятие иностранных студентов в качестве инструмента «мягкой силы» ориентирована и турецкая модель. Условно турецкий подход

к работе со студентами-иностранцами можно подразделить на 3 стратегии.

Первая стратегия ориентирована на формирование протурецкой прослойки за рубежом. С этой целью турецкое правительство активно привлекает иностранных граждан для получения образования в Турции через государственную стипендиальную программу «Стипендиаты Турции» (создана в 2012 г.), в рамках которой уже сейчас обучается 16 тыс. студентов со всего мира. Данную программу координирует Управление по делам диаспоры при правительстве Турции, представительства которого открыты более чем в 100 государствах. Вдобавок, Турция пытается создать максимально комфортные условия для студентов-иностранцев, обеспечивая их жильем, питанием, медицинской страховкой, а также оплачивая сотовую связь. А студенты, успешно справляющиеся с освоением образовательной программы, в качестве бонуса от турецкого правительства получают еще и стипендию в размере 200 долл. в месяц.

Вторая стратегия ориентирована на конкретные страны и связана с реализацией политических целей государства, в частности с продвижением турецкого влияния в Сирии. В рамках работы на данном направлении Турция значительно увеличила квоты для сирийских студентов по программе «Стипендиаты Турции», доведя ее к 2016 г. до 1425 мест. Соответственно, Турция заинтересована в том, чтобы сирийская молодежь получала образование в Турции, а по возвращении на родину выступала в качестве турецкого адепта.

И, наконец, **третья стратегия связана с продвижением идеи пантюркистского мира.** Особенно активно Турция работает в мусульманских республиках постсоветского пространства, открывая там турецкие центры и школы для языковой и культурной подготовки молодежи, курируемые Министерством образования Турции. Также задачей данных центров является оказание поддержки выпускникам, получившим образование в Турции, и вернувшимся на родину. Например, открытые в Казахстане и в Азербайджане Институты им. Юнуса Эмре, с одной стороны, продвигают турецкий язык в массы, а с другой, являются центром притяжения молодежи, ориентированной на Турцию.

Таким образом, можно заключить, что главным преимуществом турецкого подхода к рабо-

те со студентами-иностранцами является наличие отлаженной системы координации их адаптации и интеграции в новое социокультурное пространство, а также их сопровождение после выпуска. Данная система выстроена как на уровне государства в целом (Агентство содействия турецким университетам), так и на уровне вузов в частности. Например, во всех вузах существуют: офис, курирующий адаптацию иностранных студентов к университетской среде и к культуре страны (часто в качестве подобного центра выступает Эразмус-офис); отдел, курирующий жилищные вопросы, — International Student Assistance (студентам предложен один из вариантов проживания — студенческий кампус, находящийся на территории вуза, молодежный хостел или съемные квартиры) и центр карьеры, занимающийся трудоустройством студентов.

В то же время на имидж турецких инициатив негативное влияние оказывает предыдущая программа продвижения культуры и языка через сеть гюленовских центров «Хизмет». Так, сеть гюленистов по всему миру способствовала распространению пантюркистских идей и готовила протурецкую прослойку общества в стратегических для Турции целях [4]. Однако после размолвки между Р.Т. Эрдоганом и Ф. Гюленом данные школы были запрещены — как на территории Турции, так и (по просьбе турецкого президента) во многих других странах. Но, например, в Кыргызстане экс-президент А. Атамбаев отказался закрывать гюленовские школы по просьбе Эрдогана, восприняв это как прямое вмешательство в дела государства.

КИТАЙ

Наряду с Россией и Турцией, в качестве инструмента «мягкой силы» использует образование и КНР. Несмотря на то что китайская модель находится еще в стадии формирования, уже сейчас в ее рамках можно выделить 2 основные стратегии работы со студентами-иностранцами.

Итак, **первая стратегия связана с продвижением общественной дипломатии, т.е. с популяризацией китайского языка и культуры в мире**. Данная стратегия стала широко использоваться на фоне активизации геополитического проекта «Один пояс, один путь», так как, с одной стороны, продвижение культурных проектов и инициатив нивелирует опасения относительно китайской экономической эк-

спансии в мире, а с другой, Поднебесной необходимы кадры для работы на совместных инфраструктурных проектах «Пояса и пути». При этом главное отличие китайского подхода от других моделей заключается в том, что КНР создала специальный Информационный офис государственного совета и Международный совет китайского языка — HANBAN, координирующие сеть китайских языковых и культурных центров по всему миру, в том числе институты Конфуция, созданные в 2004 г. То есть Поднебесная в продвижении своих образовательных и культурных проектов ставку сделала на китайский язык, а, учитывая рост числа китайских компаний по всему миру, знание языка становится конкурентным преимуществом при найме на работу.

Напротив, **вторая стратегия носит более локальный характер и ориентирована на приграничные государства, в том числе на Центрально-Азиатские республики**. На 2019 г. из 150 тыс. иностранных студентов, обучающихся в Китае, 75% — студенты из Центральной Азии [5]. И, несмотря на то, что чаще всего молодых людей направляют учиться в университеты Синьцзян-Уйгурского автономного района с целью ассимилировать уйгуров, проживающих на территории региона, поток студентов из Центральной Азии с каждым годом продолжает увеличиваться.

США

Совершенно иной подход к иностранным студентам демонстрируют США, рассматривая наиболее талантливых из них в качестве кадрового резерва, прежде всего в научно-технической сфере. С этой целью в США выстроена так называемая система таргетирования, т.е. оценки потенциала студентов и выделения целевой аудитории. В качестве критериев учитываются как учебные и научные успехи, так и социально-политическая ориентация молодых людей, а также наличие лидерских качеств. В итоге для самых перспективных молодых людей разработана система поддержки — от грантов до кредитов на обучение для иностранных студентов (international student loans). Последние выдаются при условии поручительства со стороны американца, имеющего хорошую кредитную историю или, как это часто бывает, компании, готовой нанять талантливого студента на работу, что, безусловно, выгодно банкам, так как поручитель

в случае неплатежеспособности заемщика обязан выплатить кредит за него (<https://state-usa.ru/obrazovanie/351-zajmy-kredity-dlya-inostrannykh-studentov-v-ssha>). Компаниям подобная система тоже выгодна, потому что студент формально связан с ними на достаточно длительный период, пока не сможет выплатить кредит.

Однако именно с данной стратегией связана проблема обеспечения секретности национальных разработок, ведущихся в американских лабораториях. Так, самой большой диаспорой иностранных студентов в США являются выходцы из Китая, коих в 2018 г. числится около 360 тыс. чел. (более 30% от общего числа иностранных студентов). Часть китайских студентов хотят пройти обучение в Америке полностью, закончить аспирантуру и во время обучения в ней работать в научных центрах. Но в апреле 2019 г. директор ФБР Кристофер Рэй опубликовал заявление о том, что китайские студенты и аспиранты, работая в американских научно-исследовательских центрах, занимаются шпионажем в интересах КНР (<https://www.interfax.ru/world/663530>). Разумеется, данное заявление весьма политизировано и связано с идущей между двумя государствами конкуренцией в экономической и научно-технической сферах, однако вопрос защиты национальных разработок для всех государств стоит очень остро. Ставя на поток привлечение иностранных выпускников к научно-исследовательским разработкам, государство подвергается серьезному риску промышленного шпионажа. Также подобная тактика говорит о «кадровом голоде» в американских научно-исследовательских центрах, о зависимости национальной научной системы от притока «внешних мозгов».

Вторая стратегия связана с реализацией политико-идеологических задач США по продвижению идеи американской демократии по всему миру, т.е. с формированием в умах иностранных студентов привлекательного образа политико-экономической модели американского государства. Поэтому американские власти заинтересованы в том, чтобы в США ехали за образованием молодые люди из обеспеченных семей, которые по возвращении на родину займут статусные позиции в системе власти и будут содействовать продвижению американских интересов. Данной задаче способствуют ежегодно обновляющиеся рейтинги топовых вузов во всем мире, где американ-

ские университеты традиционно входят в первую десятку. Например, в рейтинге THE World University Rankings 2018–2019 гг. 7 американских вузов вошли в десятку, среди них: Стэнфордский университет, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт, Гарвардский университет, Принстонский университет, Йельский университет, Чикагский университет (<https://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>). При этом один только Гарвардский университет за годы своего существования выпустил 20 иностранных глав государств, его выпускники входят в руководство крупнейших компаний в мире.

В то же время нужно отметить, что, помимо полноценного вузовского образования, США продвигают различные краткосрочные программы подготовки и прокачки специалистов, среди которых программа Hubert Humphrey для иностранных студентов, срок обучения по которой составляет 10 месяцев. Принимающая сторона оплачивает все расходы по обучению и проживанию на территории США, а также перелет и не предъявляет жестких требований к владению английским языком, что делает ее особенно популярной среди молодежи из развивающихся государств. Интерес США объясняется следующим образом: программа Hubert Humphrey рассчитана на «прокачку» представителей общественных организаций, педагогов, журналистов, обладающих лидерскими качествами и занимающих руководящие позиции в своей сфере. Учитывая направленность образовательных программ фонда, а также акцент на лидерских качествах кандидатов, можно сделать вывод, что программа Hubert Humphrey рассчитана на продвижение американских ценностей — демократии и свободы — по возвращении выпускников программы на родину.

Помимо образовательной платформы Hubert Humphrey, большую популярность среди иностранных студентов имеет программа “Fulbright”, по которой ежегодно Конгрессом США финансируется более 8 тыс. грантов. Данная программа появилась в конце 1940-х гг., в начале холодной войны, ее цели связаны с продвижением «доброй воли» в тех странах, где у США имеется свой интерес, путем обмена студентами в области образования, культуры и науки. На сегодняшний день состав Совета по иностранным стипендиям программы

“Fulbright” формируется президентом США. Сама программа рассчитана на 5 месяцев и так же, как и платформа Hubert Humphrey, ориентирована на профессиональную переподготовку общественных деятелей, журналистов, ученых и т.д.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что конечная цель таких краткосрочных программ — формирование пула убежденных сторонников США по всему миру, которые ввиду социальной направленности своей деятельности постоянно взаимодействуют с населением и ретранслируют полученные «знания».

Поэтому их карьерный путь изначально связан с возвращением на родину и продвижением там.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что в основном национальные модели работы с иностранными студентами ориентированы на восприятие последних в качестве инструментов «мягкой силы». Однако в последние годы тенденция во многих странах меняется, и государства заинтересованы в том, чтобы наиболее талантливые из выпускников оставались и продолжали свой карьерный путь в стране-реципиенте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арефьев А. Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf.
2. Рощепий И. Сирия, Египет и не только: сколько лидеров зарубежных стран учились в СССР. URL: <https://russian7.ru/post/siriya-egipet-i-ne-tolko-skolko-lider/>.
3. Рассохин А. Российский бизнес «скупает» Сирию. В какие проекты он инвестирует в республике. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758584>.
4. Алексеева Н. Строительство «тюркского мира»: как Анкара усиливает свое влияние на постсоветских территориях. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/413037-turciya-uzbekistan-tyurkskiy-mir>.
5. Джемил Д. Общественная дипломатия Турции и Китая в Центральной Азии. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/08/23/obshchiestviennaia-diplomatia-turtsii-i-kitaia-v-tsientral-noi-azii-1033107>.

REFERENCES

1. Arefyev A. Export of Russian educational services. Statistical compendium. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf. (In Russ.).
2. Reschepi I. Syria, Egypt and beyond: How many foreign leaders studied in the USSR. URL: <https://russian7.ru/post/siriya-egipet-i-ne-tolko-skolko-lider/>. (In Russ.).
3. Rassokhin, A. the Russian business ‘buys’ Syria. In what projects he invests in the Republic. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758584>. (In Russ.).
4. Alekseeva N. Construction of the “Turkic world”: How Ankara strengthens its influence in the post-Soviet territories. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/413037-turciya-uzbekistan-tyurkskiy-mir>. (In Russ.).
5. Dzhemil D. Public diplomacy of Turkey and China in Central Asia. URL: <https://www.trt.net.tr/russian/programmy/2018/08/23/obshchiestviennaia-diplomatia-turtsii-i-kitaia-v-tsientral-noi-azii-1033107>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирант Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
daria_osinina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Darya D. Osinina — Postgraduate Student, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
daria_osinina@mail.ru

Статья поступила 10.10.2019; принята к публикации 30.10.2019.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2019; accepted for publication on 30.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.